В Хогвартсе было множество таинственных и удивительных уголков и мест, где можно было посидеть. Мест, где можно было сидеть и просто смотреть вдаль в разочаровании, размышляя, как справиться со всем, что только что произошло, как эмоционально пережить полное изнеможение, которое наступило, когда ты вот так открылся чистому разочарованию. В историю это событие вошло как Битва за Отдел Тайн. Начало Второй войны волшебников, момент, когда мир и Министерство больше не могли притворяться, что Гарри не был прав. Волдеморт вернулся, и никто не мог с этим поспорить. На одиннадцать Пожирателей смерти надели наручники и отправили в Азкабан. Но стоило ли все это того? Стоило ли это Сириуса?

Гарри не был уверен в этом, сидя здесь, глядя в небо и пытаясь понять, что здесь происходит, как он может принять результат этой битвы. Он надеялся, что сон и день на расстоянии помогут ему, но этого не произошло. Прошло пять дней, и все эти нервные, изматывающие приступы преследовали Гарри. У Дамблдора не было больше слов, чтобы сказать ему, после того как он проинформировал его, и он отправил его отдыхать. Все его друзья были в порядке, за исключением, конечно, того, что Сириус просто исчез. Но ничто не казалось нормальным. За два года в жизнь Гарри вернулся давно потерянный отец, крутой отчим, который всегда был рядом, а потом он снова умер. Первая официальная жертва войны. От него даже не осталось тела. Нечего оплакивать, нечего хоронить. Только воспоминания.

И конец войны остался с Гарри. Эта мысль не давала ему покоя, пока он пытался хладнокровно разобраться с реальностью того, что ему сказали. Пророчество гласило, что Гарри победит Волдеморта. Гарри, который еще даже не окончил школу, едва стал взрослым, едва был готов ко всему этому. Он был тем, кто должен был победить Волдеморта; эта мысль ужасала его, Гарри не знал, что сказать или как относиться к мысли, что он может сделать это. Он только глубже погружался в свою напряженность. Все глубже. Все тяжелее. Он не знал, как все это осмыслить. Он не знал, что сказать или как отстоять мысль о том, что он был готов к этому, что он вообще должен был быть здесь. Почему это должно было стать его обязанностью?

Так глубоко погрузившись в свои мысли, Гарри почти замахнулся на него кулаком, когда слова вывели его из этого состояния. "Ты хочешь поговорить?" Он в панике обернулся, глаза расширились, рука сама потянулась к палочке, когда он увидел обеспокоенное лицо Гермионы, стоящей перед ним. Его ответ не заставил ее волноваться, и он не мог сказать, что винит ее в этом. "Если ты хочешь, чтобы я пошел, я могу пойти. Но прошло уже три часа с тех пор, как ты "гулял", и я подумала, что тебе не помешает с кем-нибудь поговорить".

Гарри расслабился, переместившись обратно на свое место, прислонившись к стене школы, которая стала единственным желанным домом, который он знал. До Сириуса. Пока Гриммаулд Плейс не дал ему что-то теплое и семейное. Теперь этого не было. Вздохнув, он постучал пальцем по месту рядом с собой. "Где Рон?" - спросил он.

"В постели", - вздохнула Гермиона, усаживаясь рядом с Гарри. "Где еще он может быть? Он сказал, что с тобой все в порядке и что ты вернешься, когда будешь готов, а с тем, что мадам Помфри дала ему от этих ран, он все равно выглядел сонным".

"А ведь он прав", - сказал Гарри.

"В том, что ты в порядке, или в том, что ты вернулась, когда была готова?" Гермиона надавила сильнее. "Потому что я не думаю, что ты в порядке, и я не уверена, что ты когда-нибудь будешь готов".

Медленный, разочарованный вздох раздался на вдохе Гарри, затянувшись слишком надолго. "Но ты права", - сказал он, меняя тон. Он поднял на нее глаза, и еще никогда не видел, чтобы признание Гермионой своей правоты вызывало так мало радости или отклика. "Я не знаю, что делать, Гермиона".

"Я не могу винить тебя. Я не думаю, что кто-то мог бы". На мгновение воцарилось ледяное молчание, после чего Гермиона добавила: "Но ты не просто кто-то".

"А разве я не могу им быть? Разве я не могу им быть? Мне даже не позволено быть сиротой с отчимом, который заботится о нем, мне приходится быть одиноким, не получающим заботы Избранным, который наблюдает, как умирают все, кому он небезразличен. Это изнурительно". Сидеть, прислонившись к стене, было не самым продуктивным и выразительным местом для Гарри; он хотел бы бросить что-нибудь, хотел бы найти способ выразить себя и выплеснуть свое разочарование. Все, что ему оставалось, это повернуть голову в сторону Гермионы. "Я хочу кое-что сделать".

"Что сделать?" - спросила она. Гермиона звучала готовой. Открыто. Она смотрела на Гарри готовым, нервным взглядом. "Я здесь ради тебя. Здесь с тобой. Не знаю, очевидно ли это пока, но чего бы это ни стоило, я буду рядом с тобой до конца. Ты не один, я обещаю".

"Я не собираюсь возвращаться на Прайвет Драйв", - сказал Гарри. "Дамблдор говорит, что я должен. Говорит, что это единственный способ защитить меня. Что-то насчет магии; то, что я рядом с тетей Петунией, делает так, что он не может причинить мне вред. Но я больше не могу позволить этому быть моей единственной защитой. Сириус собирался позволить мне остаться с ним, и я наслаждалась этим летом даже больше, чем временем, проведенным с Уизли. Я больше не вернусь туда, где меня боятся и ненавидят. Я вернусь туда на один день, чтобы собрать свои вещи и поддерживать магию еще год, но это все. Я не буду прятаться от него".

http://tl.rulate.ru/book/3154/74545